

В статье на основе большого архивного, мемуарного и исторического материала проводится описание процессов, происходивших в конце XVIII века в устройстве Российской империи на примере изменений в территориальном устройстве Тамбовской губернии. Анализируются принципы, на основе которых эти изменения происходили, границы отдельных поселенческих территорий и, в особенности, – городов. Проводится сравнение российских и западноевропейских городов, подчеркиваются разные причины их возникновения, политические мотивы изменений.

Ключевые слова: Тамбовская губерния; XVIII век; город; столица; провинция; уезд; система поселения; внутренние границы.

Using an extensive archival, memorial and historical material, the article describes the processes that took place in the late 18th century in the organization of the Russian Empire through the example of the changes in the territorial organization of the Tambov Province. The author analyzes the principles underlying these changes, as well as the boundaries of settlement territories and, in particular, cities. Russian and Western European cities are compared and different reasons for their emergence and the political motives of their changes are emphasized.

Keywords: Tambov Province; 18th century; city; capital; province; uyezd; settlement system; internal borders.

Швы границ и сети городов: Россия в конце XVIII века / Seams of borders and networks of cities: Russia in the late 18th century

В последней четверти XVIII века на территории Российской империи начались впечатляющие по масштабу и размаху преобразования, осуществляемые на территориальном уровне. Инициатором перемен было государство, точнее, императрица Екатерина II. Несмотря на то, что эти изменения проводились без участия профессиональных архитекторов, они были настолько значительны, что создали на территории всей страны принципиально новую систему расселения. Мы попытаемся рассмотреть причины этих перемен, процесс их проведения и результаты на примере Тамбовской губернии.

Необходимо отметить, что, когда говорится о расселенческих процессах на территории Тамбовской губернии, имеется в виду та территория, которая сложилась в результате реализации губернской реформы 1775 года. До 1779 года Тамбовской губернии как административной единицы не существовало: в качестве Тамбовской провинции; совсем в других границах она входила в Воронежскую губернию. Чтобы представить картину перемен, вызванных губернской реформой 1775 года, необходимо описать количество и качество городов, уже существовавших к этому времени на территории будущей Тамбовской губернии.

История их возникновения была различна. Только три города на севере губернии можно назвать «старыми» – Кадом (1209), Елатьма (1381) и Темников (1381). «Древность» их образования можно отнести за счет близости к Рязанскому и Владимирскому княжествам. Большая же часть городов была построена в XVII веке для укрепления южных границ Российского государства. Основание таких городов, как Шацк (1553), Козлов (1635), Тамбов (1636) проводилось по царскому указу. Это было выдвижением на юг границ Российского государства и продолжением строительства линии оборонительных укреплений, известных под названием «Белгородская засечная черта». Возможно, с этой же целью была основана в 1617 году Лебедянь, хотя она и не упомянута среди городов Белгородской засечной черты (рис. 1; 2).

Соединение восточной части этой цепи с западной – Воронежем – потребовало создания промежуточного звена, и позднее были основаны города Усмань

(1642), Сокольск (1672), Доброй (1672), Романов (1681). Основание городов Борисоглебск (1708) и Демшинск (1708), возможно, было связано с общим развитием края, начало которому положили Азовские походы Петра I, и развернувшееся в Воронеже корабельное дело. Кроме этого, на территории будущей губернии существовал целый ряд небольших «городков» – Красногорский, Лысогорский, Кашматский, Бельский, Челнавский и других, построенных в XVII веке в качестве «крепостиц» вдоль линии засечной черты. Но уже в середине XVIII века, с резким выдвижением государственных границ на юг, эти «крепостицы» теряют оборонительные функции и переходят в разряд слобод. В указе от 11 октября 1764 года «в списке городам и пригородам в штат положенным» ни один из них в качестве города не значится.

Таким образом, к моменту реформы 1775 года на территории будущей Тамбовской губернии существовало тринадцать городов. Линия Белгородской засечной черты стала для них структурообразующей, и почти все города (за исключением Борисоглебска) вписывались в дугу, проходившую с юго-запада на север по территории будущей губернии. Специфика этой кривой была в том, что она охватывала только часть тамбовских земель, большая же, восточная часть губернии, городов практически не имела.

Что касается качества дореформенных городов, то об этом можно судить по той картине, которую нарисовал историк Н. Д. Чечулин, опираясь на литературное творчество современников – А. Т. Болотова, П. С. Палласа, И. И. Лепехина, С. Г. Гмелина, В. Кокса и других: «Большинство тогдашних городов почти не отличались от деревень; иные, даже обращенные потом в губернские, состояли всего из одной улицы и имели по одной церкви; случалось, что город стоял на болоте – и ничего не предпринималось для осушения его; встречались в городах такие буераки, мимо которых опасно было проезжать <...>, улицы, конечно, не были мощены <...>, большинство строений составляли жалкие лачуги, крытые соломою; под соломенной крышею помещался иногда даже магистрат; во многих городах не было ни рынка, ни лавок, ни аптек, ни почтовых контор. Городское сословие находилось еще в очень жалком положении, и во многих

текст

Н дежд Грязнов
Российская академия архитектуры и строительных наук; Московский архитектурный институт / text
Nadezhda Gryaznova
Russian Academy of Architecture and Construction Sciences; Moscow Architectural Institute (State Academy)

Исследование выполнено по плану фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2022 год (тема № 1.1.6.1). / Acknowledgements: The research was carried out according to the Basic Research Plan of the RAACS and the Ministry of Construction of Russia for the year 2022 (Theme № 1.1.6.1).

> Рис. 2. Графическая реконструкция вида Белгородской засечной черты. – URL: <https://www.culture.ru/s/bolshaya-zasechnaya-cherta/>

местностях горожане занимались, главным образом, хлебопашеством, и общий уровень их знаний был почти такой же как у крестьян <...>. Такова была масса городского населения; представители администрации, весьма немногочисленные, были также весьма плохи; единственные административные органы, находившиеся в провинции до 1770-х годов – воеводские или провинциальные канцелярии – не сосредоточивали в себе людей даже по тогдашнему сколько-нибудь интеллигентных: только воеводы были из дворян, да и то преимущественно из местных и не пользовавшихся уважением своих собратьев; приказные долгое время были всеми презираемы за свою алчность, недобросовестность и грубость» [1, с. 27–29].

С полным основанием можно все вышеописанное отнести и к городам Тамбовской губернии. Утратив в начале XVIII века оборонительные функции, они не приобрели

иных (промышленных или торговых), кроме сельскохозяйственных. Подобное положение российских городов было вызвано политикой, проводимой в государстве со времени правления Петра I. Можно сказать, что именно в этот период, до некоторой степени искусственно, было создано разделение российских городов на столичные и провинциальные. Понятие «провинция», взятое Петром I из западноевропейского лексикона для обозначения административного статуса территории, в скором времени приобрело совершенно иной, качественный смысл.

В западноевропейском смысле провинция – это автономная территориальная единица, которая возникла и сформировалась исторически на основе феодальных владений. Объединение самостоятельных провинций в государство стало необходимым по причине разорительных междоусобных войн. Но это было равноправное объединение с целью совместного охранения мира (во Франции, например, в период создания государства должность короля была выборной, и он был только «первым среди равных»). Государству делегировались только функции защиты границ и отправление правосудия, все остальные права оставались в провинциях.

В русском же понимании «провинцией» называлось все, что не было столицей. «Жить в провинции – не в столице», – так объяснено это понятие В. И. Далем в Толковом словаре, и это определение не только географическое. Если Париж, подобно феодальным королям, был всего лишь «первым среди равных», то Петербург середины XVIII века во всех отношениях не вписывался в общий характер российских городов, и это отличие заключалось в качестве жизни (рис. 3).

Провинция и столица существовали на контрастах. Все вопросы внутренней и внешней политики государства решались в Петербурге. Здесь были созданы мощные административные светские и духовные органы – Сенат, Синод, Коллегии, Комиссии и прочие. Управленческого аппарата на местах практически не существовало: «<...> один воевода с товарищем управлял целую губернию, в делах была большая проволочка и неудобность». Обязанность службы, введенная указом Петра I, собирала в Петербурге дееспособное дворянство со всей страны, из которого составлялись двор и гвардия, оставляя в про-

v Рис. 1. Белгородская засечная черта. – URL: http://paracoma.narod.ru/maps-reconstruction/reconstruction-images/lomako_belgorod_cherta_b.jpg

винции «людей со сведениями <...> весьма не много» [3, С. 102], – писал князь Ф. Н. Голицын в своих Записках.

В начале екатерининского правления «<...> в сей роскошной столице, при блистательном тогдашнем дворе, в раю, можно сказать, переполненном всех родов забавами, утехами и веселостями» [3] была сосредоточена жизнь всего государства. Это выражалось не только в наличии академий, театров, журналов, но и в образе мыслей, в широких интересах, интеллектуальных увлечениях, любви к чтению, свободе суждения – словом, во всем том, что называлось «светская жизнь» и «тонкий вкус». Отлучение от столицы служило своего рода наказанием. Равных Петербургу в России не было, даже Москву, «эту древнюю и дряхлую столицу» Екатерина II называла в сердцах «дурищей».

Не только жизнь в Петербурге, но и сам вид его был иным, западным, европейским. Подобных городов в России не было, а статус императорской резиденции обязывал ко многому. Поэтому сюда, согласно петровским указам, съезжались лучшие каменщики, плотники, резчики, печники, художники со всей страны, оседая здесь уже навсегда; сюда привозились лучшие материалы, в то время как каменное строительство в других городах было запрещено. Практически вся первая половина XVIII века в России проходила под знаком централизации государства, в котором все усилия были направлены на создание процветающей новой столицы. Такие самодостаточные культурные центры, какими были Ярославль, Кострома, Тверь, Рязань с оттоком людей, средств, а главное – с удушением местного самоуправления хиреют, и гордость жителей за свой богатый и красивый город уступает место тому, что можно было бы назвать комплексом неполноценности.

Можно с уверенностью сказать, что в России к 1770-м годам провинции в западноевропейском смысле слова не существовало; здесь были только государственные окраины, а вместо городского общества было только городское сословие. Единственными интересами здесь оставались хозяйственные, и смысл существования губерний сводился к чисто податной функции – сбору налогов. Процесса формирования национальных или гражданских интересов не было и не могло быть: государство не заботилось об этом. По замечанию современников, «<...> народ или крестьяне не имели понятия о некотором общем порядке» [2]. Народное (провинциальное) самосознание, в силу информационной изоляции, складывалось без влияния государственных идей и в итоге оказалось в оппозиции к самосознанию государственному (столичному). Единственным связующим звеном в системе государство (столица) – народ (провинция), куда доходили слабые отзвуки государственной идеологии, были города, так как здесь были сосредоточены основные внутригосударственные функции – административные и фискальные.

Структура размещения государственной власти на территории страны определялась характером размещения городов, то есть той структурой расселения, которая сложилась к этому времени исторически и была различной в разных регионах государства. Большей плотностью отличались центральные районы, ближе к периферии количество городов значительно снижалось. На территории Тамбовской губернии города были расположены в северной и западной частях, восточная часть губернии городов практически не имела. Еще более разреженной была сеть городских поселений в соседней Саратовской губернии, а далее в заволжских и оренбургских степях городские поселения единичны, и говорить о связанной сети городов просто не приходилось. Не случайно именно здесь противостояние между столицей и провинцией вылилось в кровавый конфликт – крестьянское восстание

^ Рис. 3. Проспект Летнего дома императрицы Елизаветы Петровны (1751–1753). Лист из альбома «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением знатнейших онаго проспектов». Гравюра по рисунку М. И. Махаева

1773–1774 годов под руководством Емельяна Пугачева. Это противостояние отразилось и в звании Пугачева: не освободитель крестьянства, не вождь или другой громкий титул. Вызовом столице было брошено – император Петр Федорович.

В этот момент именно города были пусть слабой, но единственной и последней опорой государственной власти. Провинциальные города проявили ту государственную идеологию в отстаивании имперских и сословных интересов, о распространении которой не заботилось само государство. После крестьянского восстания политическое значение городов вышло на первый план, оставив позади экономическое и утилитарное. С точки зрения «непоколебимой верности» оценила их роль и Екатерина II. Показателен тот факт, что еще до губернской реформы императрица повелела «Ирбитскую слободу учредить городом на основании прочих Российских городов» по той причине, что жители ее не присоединились к восставшим, а оказали им активное сопротивление. Звание города стало знаком политической зрелости и расценивалось как награда.

Политические выводы в этой ситуации очевидны: необходимо было коренным образом изменить количество и главное – качество российских городов. Вот почему сразу же после казни Пугачева Екатерина II занялась разработкой документа, которым впоследствии очень гордилась – «Учреждениями для управления губерний». Этот закон Екатерина II писала в Москве в течение пяти месяцев. Работая над ним, она сообщала Гримму в декабре 1774 года: «Узнайте новость. Явилась болезнь именуемая легисломанией, и говорят, что императрица Российская сильно заболела ею во второй раз, в первый раз она устанавливала только принципы, теперь пошло само дело. О бедная женщина! она умрет от этого или доведет дело до конца» [4, с. 13]. И позднее, в ноябре 1775 года, по завершении работы над законом: «Я страшно много нацарапала с тех пор, как я здесь. Мои последние законы от 7 ноября заключают 250 печатных страниц in-quarto, но клянусь вам, за то я никогда ничего лучшего не производила, и перед этим трудом Наказ мне в эту минуту представляется пустой болтовней» [4, с. 39].

Таким образом, по признанию самой императрицы, в ее увлечении легисломанией наступил второй этап. Вначале был Наказ (труд в большей мере целеполагающий, чем правовой) и созыв Комиссии о сочинении проекта Нового уложения, которая безуспешно пыталась путем компиляции депутатских наказов составить законодательную базу для дальнейшего развития страны. Теперь пришло время решительных действий. В сложившейся политической ситуации создание умозрительной модели благоденствующего государства далее продолжаться не могло, пора было перейти к ее реализации. Политическая необходимость привела в движение политическую модель. Этим поворотным моментом стало появление 7 ноября 1775 года закона «Учреждения для управления губерний». Этот законодательный акт был настолько важен, что был выпущен отдельным изданием в 1786 году огромным для того времени тиражом 1200 экземпляров, и затем несколько раз переиздавался.

С градостроительной точки зрения выход этого законодательного акта чрезвычайно интересен по той причине, что именно его появление вызвало к жизни новое административно-территориальное деление Российской империи, произвело на свет (большей частью волевым путем) около двухсот новых городов и тем самым определило систему городского расселения, сохраненную в определенной степени и до сегодняшнего дня. В этой связи представляет интерес не только сам закон, но и процесс введения его в действие в провинциальных районах империи, а также роль в этом процессе некоторых государственных чиновников.

В «Учреждениях для управления губерниями» Екатерина II заложила достаточно мелкую по тем временам административно-территориальную структуру, размеры которой определялись количеством населения. Единицей этой структуры стал уезд; губерния складывалась из 10–15 уездов.

Интересно, что такое огромное по масштабу и значимости мероприятие, как создание новой сети городских поселений, было осуществлено на основании всего лишь двух пунктов этого закона, состоящего из 250 страниц. Так, первый параграф главы 1 регламентировал: «Дабы губерния, или наместничество, порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех до четырех сот тысяч душ». И далее в параграфе 17: «В уезде, или округе считается от двадцати до тридцати тысяч душ». Эти два пункта стали единственным законодательным требованием не только для создания сети новых городов, но и для формирования границ губерний.

Тем не менее совершенно очевидно, что в умозрительной модели идеального государства, созданной Екатериной II, уже существовала идеальная модель городского расселения, именно на нее должны были опираться государственные чиновники при назначении городов. В основу этой модели был положен принцип равномерного охвата всего пространства империи элементами цивилизации – городами. Желание создать равномерное управляемое пространство на территории всей страны определило схему городского расселения: «от губернского города, как от центра, шли лучами, по разным направлениям уездные города».

То, что пространственные преобразования проводились именно по этой схеме, доказывается порядком введения губернской реформы. Примерные границы территории губернии определялись, видимо, в Петербурге: губернским городом назначался тот, который находился ближе к геометрическому центру, и уже получив звание Тамбовского генерал-губернатора еще не существующей губернии, наместник ехал осматривать территорию, устанавливать границы и учреждать города. Возможно, процесс был обратный: вначале выбирался губернский

город и примерным радиусом очерчивались границы губернии, что не меняло существа подхода. В любом случае приписывание территории к городу, а значит, и выбор губернского центра происходило раньше осмотра самих городов, то есть качественные критерии при решении этого вопроса не принимались во внимание так же, как и численное «равенство населения» оставалось более на бумаге.

В задачи наместников входило: на основе регулярной лучевой схемы екатерининского идеала создать равномерную сеть городских поселений. Постоянные ссылки генерал-губернаторов на «регулярность» и «равномерность», встречающиеся в их рапортах, убедительно доказывают их установку на императорский образец, полученную, видимо, еще в Петербурге. Поэтому при назначении городов государственные чиновники «более заботились о равенстве расстояния уездных городов от губернского, уездного округа от своего центра», как верно заметил А. В. Лохвицкий. То, что Екатерина II лично инструктировала будущих наместников, подтверждают и исследования современных историков. Так, А. В. Белов приводит в пример рапорт ярославского наместника А. П. Мельгунова Екатерине II: «Расположа объезд мой по тем местам, о коих наперед я удостоверен был, что они перед другими имеют больше таких способностей, какие Ваше Императорское Величество изустно (выделено мной – Г. Г.) [5, С. 62].

Таким образом, впервые в практике русского градостроительства (вероятно, и мировой практике) в полной мере осознанно и целенаправленно проводилось мероприятие по созданию единой сети городских поселений в масштабе всей страны. Конечно, в разное время в российской истории существовали этапы активного строительства городов, преследовавшие политические или экономические цели – строительство Большой засечной черты, Белгородской засечной черты, освоение Сибири. Даже Азовские походы и освоение Балтики Петром I привели к появлению ряда новых поселений. Но все эти градостроительные акции были направлены, как правило, на территориальное расширение границ и укрепление оборонных функций государства, а главное – они касались только отдельных его частей. Целью екатерининских реформ было не создание новых городов, а переформатирование существующей системы расселения всей Российской империи в целом.

Формирование новой системы происходило не спонтанно: для ее осуществления была рекомендована идеальная модель, разработанная самой императрицей. Эта модель была выполнена вполне в духе логической системы Декарта. Ее целостность складывалась из отдельных элементов, имевших между собой четкую иерархию и расположенных в определенном порядке, некоей классицистической закономерности. В материализованном виде она приобретала вид геометрической схемы, в центре которой находился губернский город, от него радиально на равном расстоянии отстояли уездные города, являющиеся, в свою очередь, центрами формируемых ими округов. Вокруг них располагались сельские поселения и дворянские усадьбы. Такой центробежный характер элементов идеальной модели должен был уравновешиваться центростремительным движением дорог, возвращавших все периферийное в центр, к началу, к губернскому городу. Так регулярность как главный принцип классицизма была положена в основу создания единой системы городского расселения Российской империи. Используя этот принцип в расселенческих процессах, Екатерина II рассчитывала получить в итоге равномерно-регулярное, управляемое национальное пространство.

< Рис. 4. Портрет графа Р. И. Воронцова. Неизвестный художник арзамасской школы живописи А. В. Ступина. 1781–1782. Арзамасский историко-художественный музей

< Рис. 5. Схема сети городов в границах будущей Тамбовской губернии. 1775. Графическая реконструкция автора

Проведение губернской реформы 1775 года было возложено на генерал-губернаторов. Именно их представления о городе, о сети городов, соединенных между собой, и о пространстве в целом сформировали структуру расселения, сохраненную в большей части до сегодняшних дней. Мнение генерал-губернатора при определении статуса городов имело практически законодательные последствия. Условия географические, экономические, хозяйственные и другие принимались во внимание в зависимости от субъективных представлений наместников, которым было поручено определить границы губернии и сделать предложения о назначении городов после их личного осмотра.

Генерал-губернатор Тамбовской и Владимирской губерний граф Роман Илларионович Воронцов (рис. 4) докладывал Екатерине II: «Во исполнение высочайшего указа <...> об обозрении вновь учреждаемой и всемирно известнейше вверяемой мне Тамбовской губернии имею щастие <...> донести, что всю оную губернию я на месте освидетельствовал, старая все города осмотрел и новые города, где оных нет для приписания к ним уездов назначил» [6. Оп. 1. Д. 636. Л. 8 об.].

Логика генерал-губернатора в процессе упразднения городов была достаточно очевидна. К 1780-м годам многие города Тамбовского края, строившиеся как укрепленные пункты Белгородской засечной черты, не получили затем экономического развития и пришли в упадок. В лучшем случае за ними сохранялись некоторые административные функции, но из-за близости городов друг к другу, и они порой теряли смысл. Существование подобных поселений в конце XVIII столетия было явным анахронизмом (рис. 5).

Это сразу же было отмечено Р. И. Воронцовым: «Из старых городов по удобности их положения к составлению округ оставлены следующие: Танбов, Шатск, Козлов, Хоперская крепость, Усмань, Борисоглебск, Лебедянь, Темников и Кадом, а по неспособности из старых городов к уничтожению назначены: Доброй, Сокольск, Демшинск и Романов, которые будучи по большей части строены в защищение от набегов татарских лежат в одну линию в весьма близком один от другого раз-

стоянии, строением и жителями весьма бедны и не имеют никакой удобности к составлению округов» [6].

Интересно, что ни в одном из упраздненных городов Р. И. Воронцов не нашел потенциала для дальнейшего развития, а увидел его в слободе Липецких железных заводов, расположенных между этими городами: «<...> которая на место всех к уничтожению назначенных мною городов удобнейшим признаю я быть городом. Ибо имеют они положение свое между Сокольском и Романовым, на реке Воронеж и сверх того все романовские купцы основали там свои жилища и построили некоторые каменные дома и лавки и отправляют с немалой выгодой торги, да и заводам тамошним никакого помешательства произойти не может и они могут оставаться на прежнем своем основании беспрепятственно» [6. Л. 9]. Решение было принято с завидной исторической пронительностью: впоследствии Липецк перерос даже значение уездного центра.

Но если на западе губернии был учрежден только Липецк и характерным моментом был процесс упразднения существовавших городов, то в восточной части Тамбовской губернии необходимо было создать сеть городских поселений из поднимавшихся в экономическом отношении сел и слобод. И здесь возникал ряд условий, которые необходимо было соблюсти. Во-первых, поселение должно в качестве уездного города «составить округу», т. е. собрать вокруг себя необходимое число жителей; оно должно иметь экономические перспективы для дальнейшего развития, возможность для создания здесь административных учреждений, развития общественной жизни, для приведения в действие всех пунктов закона. И последнее: на роль уездного центра рекомендовалось выбирать государственные (дворцовые, экономические или однодворческие) поселения, а не помещичьи села, потому что в таком случае село могло перейти в статус уездного города только путем выкупа его у владельца. Формально такая возможность оставалась, но по понятным причинам не приветствовалась. Необходимо было также соблюсти регулярную схему екатерининского идеала.

В восточной части Тамбовской губернии в новое качество уездного центра должны были перейти четыре

сельских поселения. Первым было предложено село Морша ведомства Дворцовой канцелярии, находившееся в 80-ти верстах к северу от Тамбова. Оно «<...> удобно может переименовано быть городом, – доказывал Р. И. Воронцов, – ибо не токмо судовою ход по реке Цне (имеет – Н. Г.), способствующий в том селе не малому хлебному торгу, но и состояние жителей, довольные выгоды от сей торговли получающих в таком положении, что может оное село со временем изрядным быть городом» [б. л. 34 об.]. Предположения эти оправдались, и очень скоро Моршанск вырос в значительный торгово-промышленный центр.

Городами должны были стать также дворцовое село Кирсаново «<...> на реке Вороне, которое имеет весьма изрядное положение, довольно населено и где бывають разные торги, коими жители тамошние пользуются», экономическое село Спасское «на реке Леплейке, <...> которое также для округи весьма удобное положение имеет и в коем разные бывають торги» и однодворческое село Гвазды, которое генерал-губернатор «за нужное признал назначить по дальности разстояния» между городами Усманью и Хоперской крепостью. Границы губернии определялись в соответствии со следующими принципами: «<...> не столько наблюдал я регулярную фигуру (выделено мной – Н. Г.) округи, сколько старался, чтоб во всякой округе было довольно число дворян, могущих отправлять уездные и земские службы, чтоб одного помещика деревни не были разделены по разным уездам, и чтоб предписанное количество душ наполнено было» [б. л. 16 об.].

Действительно, в отсутствие внутренних исторических границ, жестких хозяйственных и другого рода связей губерния могла принимать любую «фигуру», и подчас личные интересы наместников играли решающую роль. Так, будучи генерал-губернатором двух отдельно лежащих Тамбовской и Владимирской губерний, Р. И. Воронцов решил вопрос их соединения следующим образом: «А как в рассуждении положения границ Володимирской и Тамбовской губерний препятствует токмо один

Рязанской губернии город Елатьма с его уездом <...> и Володимирскую губернию от Тамбовской отделяет, <...> указать оной город с уездом его для соединения обоих губерний от Рязанской отдела, причислить к Тамбовской» [б. л. 16 об.]. В этом случае две губернии соединились в одно наместничество через тонкий перешеек шириной всего в несколько верст. Через год смысл этого нововведения был потерян: Тамбовская губерния была переведена в одно наместничество с Рязанской, но Елатомский уезд остался в Тамбовской губернии как генерал-губернаторская прихоть Романа Илларионовича.

Политическое мышление соединялось с пространственным, когда территория воспринималась чистой, свободной от связей и организовывалась только исходя из удобства управления или из желания иметь единое подвластное пространство. Широта пространства, соединенная с широтой власти, формировала хозяйственно-покровительственное отношение к вверенным территориям. Возможность присоединять и «отрезать» уезды, учреждать и «уничтожать» города, создавать не только управленческий аппарат, но и городское общество формировала чувство не просто хозяина, полновластного владельца, но развивало ощущение создателя, творца. Входившие в моду идеалы классицизма, ориентированные на античные ценности, влияли не только на архитектурную «манеру», но меняли и поведенческие стереотипы, определяли манеру управления. Опека некоторых генерал-губернаторов над вверенными им провинциями была порой весьма схожа с покровительственным отношением римских прокураторов. К сожалению, у Р. И. Воронцова хозяйское отношение к вверенным губерниям проявлялось слишком буквально, и он часто путал государственный карман со своим собственным.

Тем не менее предложения Р. И. Воронцова о новой сети городских поселений оказались весьма дальновидными. Правительство одобрило мнение наместника, и согласно указу от 18 сентября 1779 года Тамбовская губерния как административная единица была утверждена в составе 15 уездов. Губернским городом был назначен Тамбов. 30 сентября 1779 года в Сенате вышел указ: «Всемиловитейше повелеваем Нашему Генералу, Володимирскому и Тамбовскому, графу Воронцову по изданным от нас в 7 день ноября 1775 года учреждениям исполнить равномерно (выделено мной – Н. Г.) и в Тамбовской губернии, составляя сие наместничество из пятнадцати уездов, а именно: Тамбовскаго, Шатскаго, Кадомскаго, Темниковскаго, Козловскаго, Лебедянскаго, Усманскаго, Новохоперскаго, Борисоглебскаго, Елатомскаго, Кирсановскаго, Моршанскаго, Спасскаго, Липецкаго, и Гваздинскаго. В следствии чего переименовать городами ведомства Главной Дворцовой Канцелярии села Кирсанова и Моршу, ведомства Коллегии Экономии село Спасское, Липецкие железные заводы под названием Липецк, и однодворческое село Гвазды. Город Елатьму с уездом от Рязанской Губернии причислить к сему Наместничеству, а от онаго отдать к Рязанской из уездов Шацкаго, Козловскаго, Добрынскаго и Лебедянскаго до 18000 душ по способности; а в прочем назначение границ онаго Наместничества с прикосновенными ему преоставляем на соглашение Гернерал-Губернаторов и правящих ту должность <...>» [7] (рис. 6).

4 февраля 1780 года в Тамбовском наместничестве были открыты присутственные места, а уже 10 февраля вышел указ, на основании которого город Новохоперск с уездом передавался Саратовскому наместничеству. Выполнение указа растянулось на два года, процесс формирования границ губернии продолжался. Весной 1782 года преемнику Р. И. Воронцова новому генерал-губернатору Михаилу Федотовичу Каменскому (рис. 7) поступило именное Ее императорского величества повеление, согласно которому территория губернии вновь меняла свои границы: Новохоперский уезд

> Рис. 6. Схема сети городов и границы Тамбовской губернии. 1779 и 1782. Графическая реконструкция автора

передавался Саратовскому, а Гваздинский Воронежскому наместничествам. При этом часть Борисоглебского уезда вместе с уездным городом «отрезалась» от Тамбовской губернии. Генерал-губернатор предложил следующее решение: «<...> дерзну испрошать <...> не повелите ли отчислить в Саратовское наместничество не только город Новохоперск, да и город Борисоглебск с частью обоих сих уездов? А в случае высочайшей апробации не повелите ли из остающихся частей обоих сих уездов да из части Гваздинской округи составить новый город на реке Савалле <...>, в самом том месте, где на карте назначено село Русаново, назвав оное село городом <...> А таковой перемене послужит и то, что во всех оных трех городах никакого строения каменного еще не заведено» [8. Оп. 1, д. 968, лл. 39 об. – 40].

На этом Михаил Федотович не остановился. Его инициатива пошла дальше: «А как <...> губернский город Тамбов находится будет уже не в середине губернии (выделено мной – Н. Г.), да и как он положение

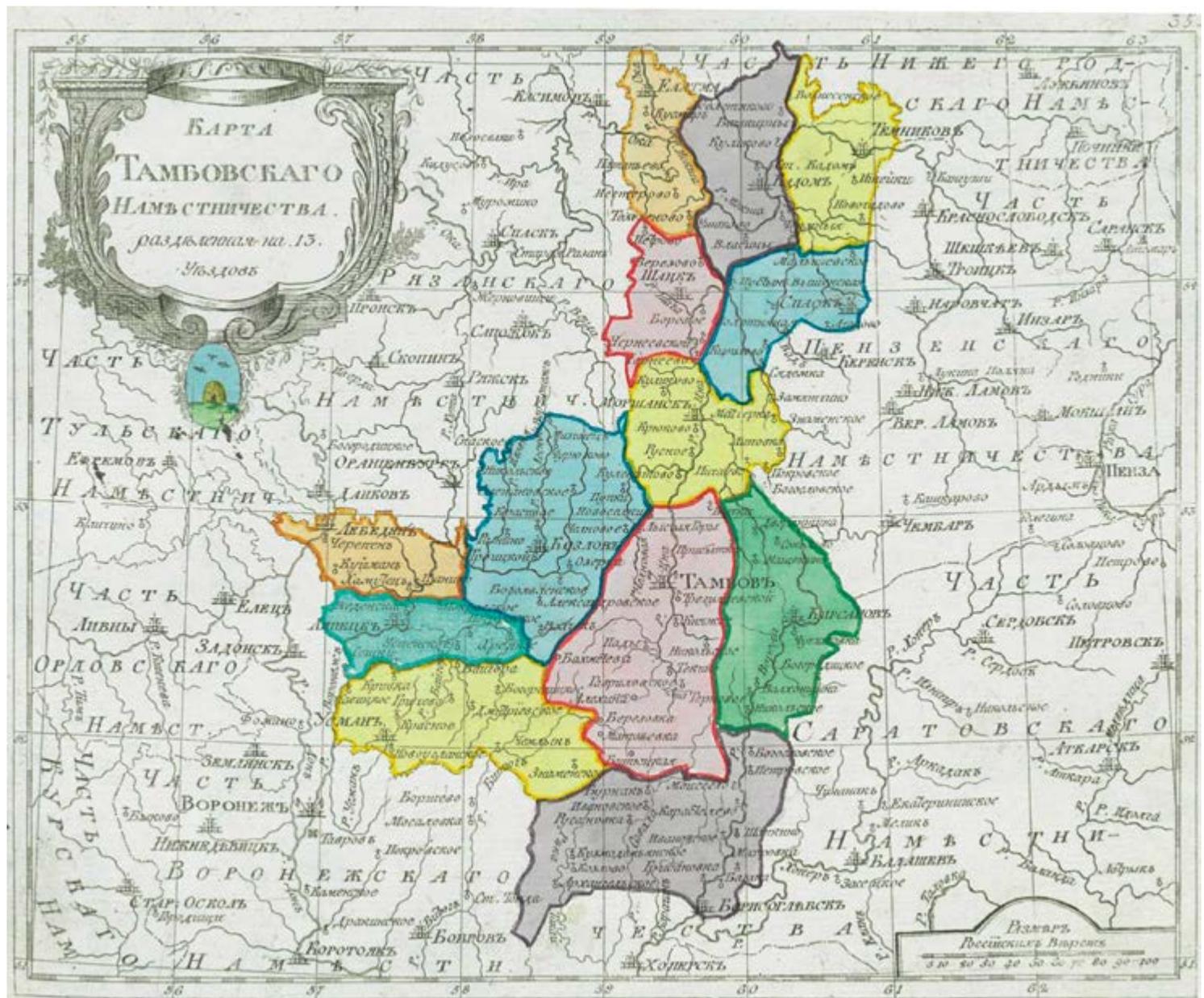
свое имеет в таком месте, где здоровой воды найти нельзя, и лесу по близости нет и дровяного, а к тому ж из казенных строений ничего еще не зачато; город же Морша на той же реке Цне лежащий <...> изобилует уже дровами и водою, так что в оном всякую весну стругов до осьмидесяти новых с хлебом отправляются на Волгу; притом во все лето строевой лес пригоняется с Оки да с Mokши; из чего предвидится, что естли б назначить оный под губернский город, и построя все принадлежавшее, исподволь перевести потом губернное правление в оный город из Тамбова, то б оный город без всякой разстройки течению дел и обывателям увеличился б, да и находился б в середине губернии. А потому дерзну испрошить повеления о назначении губернского города в Морше, вместо Тамбова» [8. Лл. 37–38].

М. Ф. Каменский пытался сформировать губернию по своим личным представлениям, основанным на абстрактной схеме екатерининского идеала: именно желание буквально следовать этой схеме родило

▲ Рис. 7. Каменский Михаил Федотович, граф, генерал-фельдмаршал

v Рис. 8. Карта Тамбовского наместничества, разделенная на 13 уездов. 1792. – URL: <http://portulan.ru/maps/rusmapping/tambovmaps/karta-tambovskogo-namestnichestva-1792-goda/>

предложение по переносу губернского центра в геометрический центр. Михаил Федотович был не одинок в своем художественном пристрастии к геометрическим решениям. Воронежский губернатор И. А. Потапов также высказывал желание оставить несколько тамбовских поселений «в здешнем (Воронежском – Н. Г.) наместничестве, хотя бы новая карта и не делала лутчаго по мнению вашему циркуля» [9, С. 85]. Члены воронежской межевой экспедиции тоже выразили мнение, что после отдачи Хоперской крепости в Саратовское наместничество город Гвазды будет «совсем неспособен к Тамбовскому наместничеству и карта Тамбовская будет очень дурна» [9, С. 87]. Забавно, что качество территории Тамбовской губернии оценивалось не возможностью оперативного управления, доступностью пространства или наличием хозяйственных связей, а художественной формой, изображенной на бумаге, которую им хотелось бы провести по циркулю.

Ни одно из предложений генерал-губернатора Каменского императрица не поддержала. Согласно указу от 3 августа 1782 года было «повелено от Тамбовского наместничества отделить к Воронежскому город Гвазды с уездом или частью оного, а к Саратовскому часть Борисоглебской округи, от Воронежского же приписать к Тамбовскому часть Задонской округи». Новую границу провели таким образом, что отделения Борисоглебска от Тамбовской губернии не произошло. А при назначении губернского города Екатерина II не всегда стремилась искать геометрический центр округи и при необходимости оставляла возможность отступать от идеализированной схемы. Даже перспективы экономического развития в этом вопросе отходили на второй план.

Судя по законодательному акту, губернский центр, с целым рядом административных и общественных учреждений, виделся Екатерине II прежде всего средоточием активной жизни, где провинциальное общество, развивая свои способности, смогло бы выйти из сферы частно-семейных отношений и перенести свои интересы в сферу общественно-государственную. Основой общества могло стать только дворянство как сословие наиболее образованное и состоятельное. Бывшее дворцовое село Морша, где основными сословиями были купцы и крестьяне, никогда не смогло бы сформировать общественной жизни, потому что, как верно заметил А. В. Лохвицкий, «<...> там, где не было дворянства, общество не существовало: были только чиновники и безразличная масса, в которой и городское сословие было мужиком». Поэтому губернский городом был оставлен дворянский город Тамбов. К расположению уездных центров на своих территориях государственные чиновники отнеслись более равнодушно, и ряд городов Тамбовской губернии – Борисоглебск, Спасск, Темников, Усмань и Елатяма – оказались почти на границах своих уездов (рис. 8).

Формирование границ Тамбовской губернии было процессом длительным и непростым. После семи лет ее существования они были еще не до конца определены. В 1786 году губернатор Тамбова Г. Р. Державин в письме к генералу-губернатору И. В. Гудовичу в числе главных своих забот называл «не основательную известность пределов губернии и число в одной душ, ибо по сие время оказывается в ревизию прописанные такие селения, с которых мы рекрутов требуем, а они принадлежат к другим губерниям, или с которых не требуем, а они наши» [10]. Землемерами были проведены определенные работы, но в данном случае речь шла только об уточнении границ губерний. В 1796 году город Кадом был выведен за штат, и территория его уезда была поделена между соседними, но почему-то и до его ликвидации Кадомский уезд часто не указывался на губернских картах 1780-х – начала 1790-х годов.

Коренному пересмотру сеть городов Тамбовской губернии и ее границы подверглись вновь только в 1798 году, когда по указу Павла I вся территория государства была заново переделана. Причины этого нововведения понять трудно. Возможно, в большом количестве городов Павел I увидел определенную опасность: по екатерининскому законодательству именно здесь были сосредоточены структуры, формировавшие гражданские позиции нации. Идея участия городского общества в управлении, заложенная в законодательных актах Екатерины II, ее сыном поддержана не была. В 1800 году Павлом I были учреждены ратгаузы. Местное самоуправление полностью попадало под их контроль. И. И. Дитятин так прокомментировал эти начинания: «<...> можно подумать, что если бы царствование императора Павла было бы более продолжительно, зачатки городского самоуправления были бы истреблены в корне» [11, с. 170].

Рост общественной активности не входил в планы императора, и процесс «уничтожения» городов можно расценить в данном случае как процесс нивелирования общественного мнения. Хотя, по мнению историков, деятельность императора, «<...> носившая весьма часто случайный характер, направлялась иногда к тому, как бы пойти в противоположном направлении по отношению к направлению матери».

В начале 1797 года Тамбовским губернским правлением был получен приказ из правящего Сената, в котором назначался новый штат губернии из десяти городов, то есть два города предполагалось «уничтожить». Должность губернатора Тамбова в этот момент была вакантна, и вопрос пришлось решать вице-губернатору Ушакову. 1-го марта он докладывал в Сенат: «<...> Во исполнение чего, рассматривая по губернской карте, сколько известно мне местное положение, за удобное почитаю из числа двенадцати городов, состоящих в Тамбовской губернии уничтожить города: 1-й Спасск <...>, учрежденный городом при открытии сей губернии в 1779 году из экономического села потому, что оной лежит близ границ Пензенской губернии, в конце своего уезда и образования города никакова не имеет кроме построенных деревянных малых связей для присутственных мест <...> и плана как на строение его, так и выгонной земли конфирмованного не имеет. 2-ой город – Усмань, <...> сей город хотя и давней и при учреждении губернии в 1779 году вошел городом, но, равно как и Спасск образования городского плана как о построении так и выгонных земель неимеющий, вид его составляется только из малого построения казенных деревянных присутственных мест, соляных анбаров и нескольких купеческих и мещанских домов» [12].

Но не успели еще в губернском правлении перераспределить территорию упраздненных уездов и составить новую карту, как в Петербурге было принято новое решение: сократить количество губерний с 50 до 41. Часть из них была расформирована, оставшиеся значительно укрупнялись. К Тамбовской губернии было присоединено четыре уезда от упраздненной Пензенской. Тем не менее, в новой губернии должно было оставаться все так же только десять городов; Павел I, видимо, придерживался арифметического постоянства (рис. 9).

В письме к тамбовскому губернскому землемеру вице-губернатор М. Ушаков писал: «В <...> указе предписано, отделить от бывшей Пензенской губернии к здешней четыре уезда, и именно: Чембарской, Верхнеломовской, Нижнеломовской, и Керенской, и приняв оные в свое ведомство постановить какия города сообразно числу уездов во вверенной мне губернии удобнее оставить и какия упразднить. А как по вновь изданному и высочайше конфирмованному на здешнюю губернию штату назначено в губернии десять уездов, хотя Чембар и Верхний Ломов и упразднены, но два другие Нижний Ломов и Керенск ныне существуют, а потому дабы привести уезды в поло-

^ Рис. 9. Схема сети городов и границы Тамбовской губернии. 1798. Графическая реконструкция автора

^ Рис. 10. Вид города Пензы на Суру р. к северо-востоку. Гравюра 1760-х. Художник М. И. Махаев

женное по штату число, нужно будет из прежних городов, или который из новоприсоединяемых уничтожить» [13]. Судя по тону документа, смысл правительственных указов не был понятен на местах; и если в докладах Р. И. Воронцова и М. Ф. Каменского прослеживается определенная логика и осмысленность действий, то здесь чувствуется явное непонимание мотиваций нововведений и механическое их выполнение.

В создании екатерининского пространства в качестве идеала выдвигалась геометрическая регулярно-лучевая схема; судя по павловским указам, к пространству был применен количественный подход, и значительно увеличенная по размерам Тамбовская губерния должна была иметь по-прежнему только десять уездов. Сеть городских поселений оказывалась значительно более разреженной. Предполагалось упразднить бывшей Пензенской губернии город Керенск, «селения же его так как и бывшего города Верхнего Ломова, присоединить по удобности к Нижнему Ломову, и составить из них один под названием Нижне-Ломовского, а Чембарский уезд, отделив от него присоединить к Кирсанову <...>, а к уничтожению из составляющих Тамбовскую губернию городов, Елатью; прочие сей Губернии уездные города Козлов, Лебедянь и Липецк с их округами, остаются в тех самых границах, как они при устройении оной, по Высочайше подтвержденному штату были составлены. Однакож не приступая по сему к исполнению (гражданский губернатор Лаптев – Н. Г.) передает в благоразсмотрение Сената, прилагая и карту Тамбовской Губернии по нынешнему ее разделению из 10 уездов составляемой, с показанием при том и прежних границ уездов ея <...>» [14, с. 201].

В период павловских перемен роль Тамбова как губернского центра снова стала вызывать сомнения, теперь их высказывал новый губернатор Н. Лаптев, вступивший в должность в июне 1797 года. В донесении генерал-прокурору Алексею Борисовичу Куракину он писал: «<...> проезжая по тракту лежащие города, да и в самом губернском городе Тамбове нашел я или одни только почти разваленные казенные строения, или же совсем недостаток, так что почти все присутственные места замещены в разные обывательские дома. В уездных городах тюрьмы, а в губернском городе острог угрожает совершенным

падением, опасно, чтобы колодники не разбежались или бы их не задавило».

Губернатор просил помочь ему «исходотайствовани-ем довольно знаменитой суммы на заведение каких бы то ни было казенных строений», но, вероятно, понимая тщетность своих просьб и «в предохранении казны от напрасных убытков», рассуждал так: «<...> деревянное строение в Тамбове <...> за неимением лесу, при всей его непрочности, будет стоить очень дорого, а каменное не скоро поспеть может, ибо камень для фундаменту и известь в Тамбов привозят не ближе как за 80-ти верст и все материалы доставляются зимним путем и готового нисколько найти невозможно, то осмеливаюсь еще присовокупить мнение мое: как в ближайшей губернии городе Пензе все присутственные места равно и губернаторский и вице-губернаторский дом построены каменные, с употреблением на их постройку немало-го казенного издержания, то не благоугодно ли будет вашему сиятельству <...> вместо тамбовской возстановить бывшую пензенскую губернию, учредив губернским городом город Пензу».

Далее Лаптев объяснял, как можно поделить территорию тамбовской губернии между соседними, и заключал экономическим аргументом: «<...> через его самое казна сбережена быть может, а потерпеть должны чиновники только в переезде, но по недалежному Тамбова от Пензы разстоянию не может быть для них много затруднений. Впрочем, предаю все сие Вашего сиятельства благоразсмотрению и в разсуждении обстоятельств побуждаю Вас, м-гос-дрь, всепокорнейшее просить приказать меня известить предварительно будет ли существовать Тамбовская губерния или должна уничтожиться» [15] (рис. 10).

В правительственных кругах предпочтение вновь было высказано в пользу Тамбова, а губернию составили 10 следующих уездов: Тамбовский, Козловский, Лебедянский, Липецкий, Кирсановский, Нижне-Ломовский, Моршанский, Шацкий, Темниковский и Борисоглебский; прочие города были заштатными. И хотя в таком виде она просуществовала относительно недолго, тем не менее на новую территорию успели выполнить карту (рис. 11).

в Рис. 11. Карта Тамбовской губернии из 10 уездов из книги «Российский Атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империи разделяющий»

Это отношение к подчиненному пространству со стороны генерал-губернаторов и губернаторов напоминает игру. Такой переворот масштаба, когда территория в несколько сот квадратных километров легко умещалась на губернаторском столе, подталкивал к свободному обращению с пространством. Чувство реальности терялось, и два-три дюйма, ничего не значащие в масштабе человека, свободно применялись к масштабу губернской карты. Возникает впечатление, что перенос границ губернского центра, «уничтожение» и создание городов и вся эта игра пространством – всего лишь дело губернаторского карандаша. Такое влияние государственных чиновников на решение территориальных вопросов было в российской истории впервые.

Правление Александра I вновь изменило «карточный расклад»; карты губерний подверглись очередному пересмотру. Император заявил о своем желании управлять «<...> народ по законам и сердцу в Бозе почитающей Августейшей Бабки Нашей, Государыни Императрицы

Екатерины Великия». Екатерининское законодательство было восстановлено: губернии, уезды, а вместе с ними и все городские органы приобрели свой прежний вид [16]. В апреле 1802 года были восстановлены в качестве уездных городов стоявшие за штатом Елатьма, Спасск и Усмань, а в мае 1803 года был издан новый штат Тамбовской губернии, по которому был подтвержден статус Тамбова как губернского города. В карте Тамбовской губернии, сложившейся в условиях екатерининской реформы, произошли частичные изменения, но они были весьма незначительны и касались передачи нескольких сел из одной округи в другую.

Поражает легкость этих карточных манипуляций (имеются в виду губернские карты). Екатерина увеличила число губерний, Павел I сократил, Александр I снова увеличил. Безболезненно подобные операции могли происходить только в России и только в это время, при отсутствии исторических границ, жестких экономи-

ческих связей, неразвитом гражданском самосознании и огромных плохо освоенных территориях.

Во Франции, например, для уничтожения границ исторических провинций и создания новых понадобилась революция и решение Национального собрания. В русской ментальности понятие «внутренняя граница» практически отсутствовало. Исторически сложилось так, что в России административная граница всегда была линией условной и неустойчивой. Земли, принадлежавшие городу или князю, с его падением сразу же распались, а позднее ее роль заключалась только в разделе государства на податные округа. И к моменту губернской реформы 1775 года «страна была совершенно гладкая не только в орографическом (рельефом – Н. Г.), но и в социальном смысле слова, – ее можно было делить как угодно». Это дало возможность положить в основу губернской реформы механический способ деления, к которому безуспешно стремились государства Западной Европы.

Здесь же уместно заметить, что в Западной Европе – Франции, Италии, Германии – провинции имели свое собственное историческое имя, независимое от имени главного города: Прованс, Анжу, Нормандия, Ломбардия, Тоскана, Бавария, Швабия. В период революционных событий 1789 года во Франции Национальное собрание в пылу борьбы с прошлым уничтожило историческое деление территории, существовавшее в стране и, «вводя геометрическое, дало новым частям особое имя, взятое не из истории, а из природы – рек или гор, – департаменты Сены, Сены и Марны, Жиронды и прочее. Но <...> не от имени губернского города, потому что там не существовало приписного начала» [17, с. 97–98].

В русском национальном самосознании земли, окружавшие город, традиционно связывались с названием этого города. Приписной характер русских земель, а еще прежде – полное подчинение деревни городу было общим фактом; территория носила название по имени города, которому она подчинялась: земля Новгородская, Суздальская, Московская и т. д. Этот же принцип был перенесен Екатериной и в «Учреждения для управления губерний». Он был настолько очевиден, что законодательница даже не сочла нужным о нем упомянуть, просто все административные единицы получили названия по своим административным центрам: Тамбовская губерния, Кирсановский уезд. Исключение составила только Таврида – дань античной страсти Екатерины II.

В основу механического деления территории мог быть положен любой принцип: и регулярно-лучевой идеал Екатерины II, и количественный подход Павла I, а отсутствие жестких ограничений вносило элемент творческой свободы со стороны государственных чиновников. Проведение административной границы было делом только государственным. Оно не затрагивало интересов населения и не влияло на его жизненный уклад, поэтому столь частые изменения проходили безболезненно. Безразличие к внутренним границам сохранялось у нашего народа и в советский, и в постсоветский периоды вплоть до сегодняшних дней, и печальный результат его последствий мы видим в современных геополитических процессах, когда незначимые, как ранее казалось, внутренние границы оказались межгосударственными.

Таким же искусственным порождением екатерининских реформ были и города, которые создавались не в результате общественного развития, не с целью захвата территории, укрепления границ или освоения природных ресурсов, не под влиянием промышленного производства или торговли, а «назначались» правительством искусственно. Для создания города было достаточно объявить то или иное место городом, а его жителей городским обществом. Определяющим моментом в этом процессе была правительственная инициатива. Вот почему на основе одной и той же сети населенных

пунктов с каждой новой правительственной инициативой создавалась новая система городского расселения. С 1775 года по 1802, то есть за 27 лет, официальная сеть городских поселений всей страны поменялась законодательно четыре раза!

Политическая необходимость и законодательный идеал в конце XVIII века внесли в понятие «город» новый смысл. Причина этого – при создании единой системы городского расселения Российской империи во главу угла был поставлен классицистический принцип регулярности, отождествляемый на территориальном уровне с равномерностью. Его появление выдвинуло на первый план такие градообразующие факторы, которые ранее в русском градостроительстве просто не существовали.

Зарождение понятия «город» в русском языке этимологически было связано с укреплением, огораживанием какого-либо места. Но, выполняя функции обороны, он закономерно приобрел функции управления, и под «городом» стала подразумеваться городская община. Выражение «Господин Великий Новгород», безусловно, имело общественный смысл и относилось к городскому обществу. А впоследствии, когда общинная сущность русских городов была утрачена, статус поселения определялся органом государственного управления – своеобразным рудиментом городской общины. Для российских городов этим органом была воеводская канцелярия. В XVII веке при строительстве новых поселений именно административная должность человека, возглавлявшего строительство нового города, определяла статус будущего населенного пункта. Тамбов, например, был основан городом потому, что во главе дружины, отряженной на его строительство, стоял воевода Роман Боборыкин, и статус еще не существовавшего поселения уже был определен в Москве воеводской должностью боярина. А выбор конкретного местоположения производился потом, и на статус поселения никакого влияния не оказывал, так как был до некоторой степени случаен.

Но губернская реформа Екатерины II строилась на иных принципах: при реализации ее было важно равномерно охватить всю территорию страны элементами управления – городами. Отсутствие в этот период принципиальных различий между городом и сельским поселением в экономическом, общественном, архитектурном и иных смыслах до некоторой степени уравнивало их шансы. И в этих условиях впервые в русском градостроительстве стало возможно, чтобы статус поселения определялся местом его расположения в общей системе расселения и при равных условиях предпочтение отдавалось тому, который находился ближе к геометрическому центру округа. Именно место поселения в общей системе расселения стало в конце XVIII столетия одним из главных градообразующих факторов. Численность населения уездов и губерний, то есть количественная характеристика, впервые введенная в русское градостроительство Екатериной II, вносила определенную систему в формирование единой сети городских поселений.

Новые принципы предоставления поселению городского статуса на первых порах вызывали у современников недоумение. Генерал-губернатор Пензенский и Нижегородский А. И. Вяземский записал на полях своих бумаг: «Неудобство от самого существа вещи: деревни городами названы, крестьяне также должны имя, а не всегда существо переменить т. е. место к. (крестьянина – Н. Г.) мещанином. Выправится впротчем» [18, с. 78]. Так, несмотря на появление нового градообразующего фактора, город в ментальности людей XVIII века оставался понятием, связанным с особым качественным положением. В этом было его принципиальное отличие от современного понятия, идущего от количественных характеристик в определении статуса поселения.

Необходимо отметить, что в период реализации екатерининской губернской реформы, наряду с назна-

> Рис. 12. Схема сети городов и границы Тамбовской губернии. 1802. Графическая реконструкция автора

чением новых городов, проходило и упразднение целого ряда старых. Эти процессы существовали одновременно, параллельно, в зависимости от региона страны преобладал тот или иной, или они уравнивались. И если для регионов Урала и Сибири основным направлением было учреждение городов из слобод и сел и даже строительство новых, то в центральных районах большое количество городов было «уничтожено». В Московской губернии, например, где до реформы 1775 года существовало 52 города, в итоге ее осталось только 15. Поэтому можно определенно утверждать, что целью губернской реформы 1775 года было не механическое увеличение количества городов, как это иногда трактуется в истории градостроительства [19, с. 65], а создание единой системы городских поселений. В этой системе существовала определенная логика и закономерность, а то, что не подчинялось ее законам, уничтожалось.

Так политическая воля и политический идеал Екатерины II впервые в истории русского градостроительства сформировали на классицистических принципах равномерности и регулярности единую сеть городских поселений в масштабе всей страны. На этих же принципах была сформирована сеть городских поселений Тамбовской губернии. В итоге губернской реформы 1775 года на ее территории из 13 дореформенных городов осталось только 9, и 4 новых города было учреждено из слобод и сел. Таким образом, общее количество городов не изменилось. Губернским центром был назначен Тамбов; города Борисоглебск, Усмань, Кирсанов, Липецк, Козлов, Лебедянь, Моршанск, Шацк, Спаск, Кадом, Темников, Елатьяма считались уездными. Город Кадом в последствии остался «за штатом», то есть собственного уезда не имел.

Губерния, как и вся Россия, оказалась затянута равномерной сетью городских поселений, тем самым был создан механизм для государственного управления, экономического и хозяйственного регулирования, для политической надзора, для общественного и культурного развития провинции. Как территориальное образование Тамбовская губерния оказалась элементом достаточно жизнеспособным и новые изменения претерпела уже при Советской власти.

Литер тур

1. Чечулин, Н. Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века : ист. очерк. – Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1889. – 115 с.
2. Мое время (Записки Г. С. Винского) // Русский архив. – Кн. 1. – Вып. 1. – С. 76–123 Л. 158???
3. Голицын, Ф. Н. Записки князя Федора Николаевича Голицына. // Русский архив. – Кн. 1–5. – 1874. – 530 с.
4. Грот, Я. К. Екатерина II в переписке с Гриммом. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1879–1884. – 3 тт.
5. Цит. по: Белов, А. В. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). – Москва : Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 613 с. : ил.
6. РГАДА. Ф. 16
7. РГАДА. Ф. 292. Кн. 9. Д. 35. Л. 204
8. РГАДА. Ф. 16
9. Цит. по: Шевченко, Е. А. Определение границ Воронежской губернии в начале 1780 гг. / Из истории Воронежского края: Сборник статей. Вып. 12. – Воронеж, 2004. – С. 80–96
10. ОР ГНБ. Ф. 247. Т. 14. Л. 32 об.
11. Дитятин, И. И. Устройство и управление городов России. – Санкт-Петербург : тип. П. П. Меркульева, 1875–1877. – Т. 1. – 563 с. – Т. 2. – 111 с.
12. РГАДА. Ф. 248. Кн. 4837. Л. 572 об.
13. ГАТО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 46. Л. 392
14. ПСЗРИ-1. Т. XXV. № 18482
15. Там же. Лл. 2–2 об.
16. ПСЗРИ-1. Т. XXVI. № 20004. С. 775–778
17. Лохвицкий, А. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Изд. 2-е с изм. – Санкт-Петербург : А. Ф. Базунов, 1864. – Ч. 1. – 224 с.
18. Архив князя Вяземского. – Санкт-Петербург : Изд. Шереметева, 1881. – LXII, 369 с.
19. См., например, Шквариков, В. А. Планировка городов России XVIII – начала XIX века. – Москва : Изд-во Всес. акад. архитектуры, 1939. – 256 с., 1 вкл. л. план. : ил., схем., план

References

- Arkhiv knyazy Vyazemskogo [Archive of Prince Vyazemsky] (1881). LXII. St. Petersburg: Sheremetev Publishing House.
- Belov, A. V. (2019). Reforma goroda Ekateriny II (po materialam gubernii Tsentralnoi Rossii) [City Reform of Catherine II (on the materials of the provinces of Central Russia)]. Moscow: Institute of Russian History RAS; Center for Humanitarian Initiatives.
- Chechulin, N. D. (1889). Russkoe provintsialnoe obshchestvo vo vtoroi polovine XVIII veka [Russian provincial society in the second half of the 18th century]. St. Petersburg: V. S. Balashev Printing House.
- Dityatin, I. I. (1875-1877). Ustroistvo i upravlenie gorodov Rossii [Arrangement and Management of Russian Cities]. St. Petersburg: P. P. Merkuliev Printing House.
- GATO (State Archives of the Tambov Region). F. 29. Inv. 1. File 46. L. 392.
- Golitsyn, F. N. (1874). Zapiski knyazy Fedora Nikolaevicha Golitsyna [Memoirs of Prince Fedor Nikolaevich Golitsyn]. In Russian archive (Book 1-5).
- Grot, Ya. K. (1879-1884). Ekaterina II v perepiske s Grimmom [Catherine II in correspondence with Grimm]. St. Petersburg.
- Lokhvitsky, A. V. (1864). Guberniya, ee zemskie i pravitelstvennye uchrezhdeniya [The province, its zemstvo and government institutions] (2nd ed., Part 1). St. Petersburg: A. F. Bazunov.
- OR GNB (Manuscripts Department of the State Scientific Library). F. 247. Vol. 14. L. 32 rev.
- PSZRI-1 (Complete Collection of Laws of the Russian Empire-1) (n.d.), Vol. XXV, No. 18482.
- PSZRI-1 (n.d.), Vol. XXV, No. 18482, ll. 2-2 rev.
- PSZRI-1 (n.d.), Vol. XXVI, No. 20004, pp. 775-778.
- RGADA (Russian State Archives of Ancient Acts). F. 16.
- RGADA. F. 16.
- RGADA. F. 248. B. 4837. L. 572 rev.
- RGADA. F. 292. B. 9. File 35. L. 204.
- Shevchenko, E. A. (2004). Opredelenie granits Voronezhskoi gubernii v nachale 1780 gg. [Defining the borders of Voronezh province in the early 1780s]. In From the history of the Voronezh region: Collection of articles (Issue 12, pp. 80-96). Voronezh.
- Shkvarikov, V. A. (1939). Planirovka gorodov Rossii XVIII – nachala XIX veka [Layout of the cities of Russia in the 18th – early 19th centuries]. Moscow: All-Union Academy of Architecture.
- Vinsky, G. S. (1877). Moe vremya (Zapiski G. S. Vinskogo) [My time (G. S. Vinsky's memoirs)]. In Russian archive (Book 1, issue 1, pp. 76-123, l. 158).